

Глава 1

Что такое рикошет, Саня Сигитов успел узнать много раньше того момента, как прочел о нем в умных толковых книгах. Даже много раньше того, как вообще научился читать. Будучи еще совсем ребенком, он узнал об этом, пять лет ему тогда было или чуть больше. А произошло все вот так...

Кто-то из ребят (Артур Глебов, кажется) стащил у старшей сестры баскетбольный мяч и вытащил его во двор. Они тут же принялись играть. Колошматили им, насколько хватало их детских силенок, о стену. Силенок, конечно, было совсем мало, но они настырно пыхтели и раз за разом посылали мяч в стену.

Зачем же тогда Арчи было совершать кражу? — рассуждали они здравым детским умом. Не для того же, чтобы им запросто так вот сдать ся и начать хныкать, что мяч тяжелый и лететь, как надувной, не хочет. Они и упирались, пока кто-то из взрослых мальчишек не заметил их потуги и не поднял их на смех. Понятное дело, мяч они у них отобрали и уже сами принялись кидать его в стену.

Саня, Арчи и Димон были совсем не против, умовавшись до такой степени, что колготки под детскими брючками намokли от пота. И жаловаться не собира-

ТАЛИНА РОМАНОВА

лись, а собирались подождать, пока взрослые ребята, которым и было-то на тот момент лет по девять-одиннадцать, наиграются. Одним словом, повели себя достойно, невзирая на юность лет. И все бы закончилось отлично, не отскочи в какой-то момент мяч от стены и не ударь с силой Саню по лицу. Он тут же разразился громким ревом, помчался домой и начал жаловаться матери. Та, понятное дело, прежде чем отправиться на улицу кого-то приструнить, начала допытываться, что да как. Саня ей рассказал.

Вот тогда-то мать и произнесла магическое, как заклинание шамана, слово.

— Милый мой ребенок, — ласково улыбнулась она ему, она всегда улыбалась ему (ласковой, нежной улыбкой, редко хмурия брови и сжимая в тугую линию рот), — никто ни в чем не виноват. Это рикошет...

Ох как долго он потом, перед тем как уснуть, повторял то слово. Зарывался в подушку лицом, которое давно уже не болело, накрывался одеялом с головой и шептал, и шептал, и шептал:

— Рикошет... рикошет...

Ох как не понравилось ему это слово. Очень не понравилось. Ему было очень жутко и неприятно его произносить, но он снова и снова повторял его. Саня сильно надеялся на то, что чем он дольше будет его повторять, тем мягче оно станет. Не останется в нем грубого рокотания, перестанет так ерошить кожу мурашками зловещее шипение в самом конце. Так и уснул, ничего не добившись.

Проснулся наутро, совсем позабыв о неприятном инциденте с мячом, но намертво запомнив странное зловещее слово.

Через несколько лет, став школьником и успешно

окончив начальную школу, Саня как-то забрался в библиотеку отца, стащил с полки толстенный фолиант, пролистал до буквы «р», нашел странное слово, не дающее ему покоя с пяти лет, и прочел определение несколько раз. Толкование было длинным и пространным, Саня для себя усвоил лишь часть его: отраженное движение... Полет после удара обо что-то...

Вот оно, оказывается, что таило в себе странное слово. Вот как незамысловато объяснялось то, что если что-то обо что-то ударяет, это совсем не означает, что ты можешь оказаться вне зоны попадания. Наоборот, велика вероятность того, что и ты будешь задет, и тебе достанется. Пускай и не с такой силой, с которой изначально рассчитывалось, но больно-то может быть. И еще как...

Открытие потрясло десятилетнего Саню Сигитова. Он очень долго, почти все летние каникулы, размышлял о диковинных свойствах рикошета. Даже экспериментировать пытался на друзьях, пока те не заподозрили неладное и не надавали ему по шее. Он обиделся на них и потом целую четверть не разговаривал. В конце концов, конечно, помирился, но про отраженное движение, в большинстве своем приносящее боль, так и не забыл никогда. Более того, прожив четверть века и заработав репутацию, мягко говоря, компьютерного гения, а честно выражаясь — хакера, способного взломать все, что только возможно взламывать, не верящего ни в бога ни в черта, Саня в глубине души хранил суеверный страх перед странным определением. Определением, перекраивающим судьбы человечества под тем углом, под которым ему вздумается...

— Саня! Саня, оторвись ты наконец от компа! Вот

ТАЛИНА РОМАНОВА

смотри, нарвешься, дружище, на статью, будет тебе потеха!

Василиса Сахарова, подруга по детскому саду, школе и двум первым курсам института (потом она перевелась в другой вуз), перевернулась со спины на живот на его тахте, пристроила подбородок на двух кулачках, установленных друг на друга, и пробормотала с грустным недоумением, держа в руках телевизионный пульт.

— И сколько можно показывать сиськи с жопами, не пойму? На какой канал ни переключись, одно и то же. И в рекламе, и в клипах, и даже в мультфильмах на этом делается акцент. Смотрела тут недавно один мультик. Так там у мультяшной героини бюст из платья вываливался. Ноги от ушей, попка орешком. Чему детей учат! Не удивлюсь, если скоро ведущие программ новостей станут сидеть в студиях в чем мать родила. Для рейтинга, так сказать...

— Не болтай чепухи, — лениво отозвался Саня, не отрывая взгляда от монитора. — Тебя просто обычная бабья зависть гложет, вот ты и возмущаешься. А остальным, может, и нравится.

— Да прям! Я вот с мужем со своим сколько раз разговаривала на эту тему, так он категорически против.

Василиса украдкой скользнула взглядом себе за пазуху, где могло быть и побольше, вздохнула и тут же, выдернув правую руку из-под подбородка, пощупала складки на спине, перетянутые полоской лифчика. Где надо — не нарастает, а где не надо — пожалуйста. Да еще сколько!

— Муж твой никогда не станет тебе говорить правду, дурочка, — снисходительно хмыкнул Саня и

нахмурился, усмотрев на мониторе не то, что хотел. Тут же принялся стучать по клавиатуре, не забывая бубнить: — Какой же мужик признается своей жене, что ему она давно надоела, что девчонки с красивыми титьками и упругими попками ему много милее, даже если они и скачут в телике...

— Урод ты, Саня, — со вздохом произнесла Василиса. — Хоть бы раз для пользы дела соврал. Одно расстройство с тобой, придурком.

— Я же за правду, Васька! — Сигитов с облегчением выдохнул: ровные столбцы цифр снова запестрели так, как ему было надо. — Муж тебе врет, подруги врут, за спинами козни плетете друг другу. Я один только и способен тебе правду сказать.

— А что мне с твоей правды, Саня? Сиськи, что ли, вырастут? — Василиса перевернулась снова на спину, не без удовольствия поглазев на свой совершенно плоский живот — хоть тут-то природа-мать не разочаровала.

— На кой они тебе, Васька?! Дура ты, что ли? У тебя же есть.

— Мало!

— Так возьми и пришей. Сейчас все так делают.

— Муж не хочет. Говорит, что ненатурально.

— Правильно говорит... Опа! Есть! — Саня соскочил с крутящейся табуретки и заскакал по комнате. — Есть, есть, есть!!! Ха-ха-ха!!! Васька, есть!!!

Она наблюдала за его козлиным перескоком по комнате совершенно без интереса. Привыкла давно и к выходкам его идиотским, и к гениальности его. Одно другого совершенно не исключает, была она уверена. В Саньке всего было поровну. Наверняка теперь кого-нибудь снова щипанул, вот и скачет от ра-

Талина Романова

дости. И чудо случилось, и денег в кармане прибавилось. А вот что ее постоянно удивляло, так это то, с каким благоговейным трепетом воспринимал Санька свершение чуда, которое же сам и сотворил.

— Ты прямо как ребенок, — говаривала Василиса, когда он после своего странного перепляса замирал минут на десять, безмолвно созерцая дело рук своих. — Чего ты млеешь? Ведь гений ты, а не кто-то еще.

— Не-ет, Васька, ты ничего не понимаешь, — шептал он. — Это божий промысел, не иначе. Я порой и сам не понимаю, как все происходит! Надо же...

Все было точно так же, как и всегда. Наплясавшись вдоволь, Сигитов — верный друг, помощник и брат почти — уселся перед компьютером и с полуоткрытым ртом замер.

Василиса вздохнула. Придется срочно топтать на кухню, что-нибудь поджарить или отварить, чтобы вывести его из созерцательного ступора, иначе ее визит может затянуться надолго. А сегодня ей нельзя. Сегодня любимая мама ее мужа к ним в гости грозилась нагрнуть.

С какой силой суеверно почитал Санька Сигитов слово «рикошет» (он покаялся ей однажды во хмелю), с точно такой же силой Василиса Сахарова ненавидела слово «свекровь». Оно вызывало у нее стойкое суеверное отвращение. Она даже произносить его вслух старалась как можно реже, твердо помня, что помянуть лихо, пока оно тихо, не след. А что «свекровь» и «лихо» — слова однокоренные почти, Василиса была практически уверена.

— Саня, ты только вдумайся в смысл этого страшного слова, — рыдала она как-то на его плече. — Оно

состоит из двух частей: «све» и «кровь». Сечешь, что это значит? Не знаешь, так я тебе скажу: значит, бабе постоянно нужно напиться чьей-то свежей крови. В данном случае моей. Иначе она просто не выживет, если не напьется моей свежей крови...

Наверняка у Сигитова имелась более правильная формулировка для обозначения этого слова, но он промолчал. Молча поглаживал плачущую подругу по голове и старательно скрывал, что страдает вместе с ней. Но ему даже говорить ничего не нужно было — Василиса сама всегда чувствовала сердцем. Чувствовала его сопереживание, желание помочь, защитить, оградить и еще бог знает что сделать, лишь бы ей только было хорошо и комфортно.

Она поначалу подозревала его в тайной влюбленности в себя. Давно, классе в восьмом или в девятом. Пыталась кокетничать. Но Санька тут же пресек все ее выверты, спросив:

— Васька, ты дура, что ли? Ты ж свой в доску пацан для меня и вдруг заигрывать со мной вздумала! Ты прекращай давай...

Она и прекратила. И никогда больше не возобновляла попыток. И обоих такое положение устраивало, до самых сегодняшних пор.

На кухне у Сигитова царил образцовый порядок, насколько такое вообще возможно в холостяцкой квартире. Нет, все было вымыто, пол подметен, шторы на окнах чистые, стекла в них тоже. Но вот тарелки упорно игнорировали сушку над раковиной и стояли высокой ровной стопкой прямо на рабочем столе. Мол, чего надрывать-то, совать их туда-обратно? Нерациональное расходование энергии, считал Сигитов. Чашки присутствовали рядом. Две каст-

ТАЛИНА РОМАНОВА

рюли, чайник и сковорода — все его посудное имущество — топорились чистыми боками на газовой плите. Их убирать тоже не следовало, поскольку они всегда должны находиться под рукой. Холодильник был забит до отказа вакуумными упаковками с уже нарезанной колбасой, треугольниками сыра, упакованными в фольгу, салатами в пластиковых контейнерах, фруктами и овощами. Мясо и рыбу Сигитов не покупал, считая, что на их приготовление уходит очень много времени. А его он был лишен. Время — единственное, чего ему всегда не хватало. В остальном он никогда не чувствовал себя обделенным.

Требовались ему деньги? Ну что ж... он брал и щипал кого-нибудь. Безобидно так, немного, но щипал, чтобы ему на жизнь хватало. Подработкой опять же он не брезговал. И если учесть, что платили ему, как профессионалу, более чем щедро, то в щипании и необходимости особой не было. Он занимался этим скорее из обычного спортивного интереса. Чтобы не потерять квалификацию.

— Сигитов, у тебя даже яиц нет! — заорала, возмущаясь, Василиса. — Ну что ты за мужик, в самом деле?

И как так вышло у нее — выразиться столь двусмысленно, она и сама не поняла. Но выпалила и только потом сообразила, что именно сморозила. Хорошо бы он не услышал ее вопля, подумала запоздало. Медитировал бы и медитировал себе...

Но Сигитов, сволочь ушастая, услышал. Влетел на кухню, округлив от возмущения до безобразия сексуальный рот. Вытаращил на нее свои карие очи и как заорет:

— У меня нет яиц?! Ты чего, Сахарова, совершен-

но оборзела?! Да они у меня... Они из железа, во! У кого хочешь спроси!

— Ну как же, пойду я спрашивать... — захохотала она во все горло. — Я вообще-то отсутствие яиц в твоём холодильнике имела в виду. Куриных яиц, между прочим. А ты о чем?

Сигитов засопел со злостью. Схватил с сахарницы баранку с маком, лежавшую там еще с прошлого визита Василисы, которая не была у него пару недель, и принялся грызть, отвернувшись к окну.

— Чего есть-то станем, Саня? У тебя тут один пластик, — попеняла она ему, роясь в недрах холодильника. — Жрешь черт-те что! Домработницу себе, что ли, заведи, чтобы готовила тебе.

— Ага! А она станет мои секреты воровать... Посоветовала тоже! — фыркнул гений с набитым ртом, целиком, что ли, баранку воткнул? Откусить-то так и не сумел, сколько ни пытался. — Да ты чего, Васька? Чтоб чужой человек в доме... Нет, это не для меня!

— Женись тогда, — подергала она плечами, узрев на нижней полке две пачки творога с изюмом.

— Жениться? Ну ты... ну ты вообще спятила!

Он повернулся к ней и глянул как на больную. Колесико баранки и в самом деле угадывалось за его левой щекой — не разгрыз, стало быть.

— Жениться, мне? На ком?

— На Вальке Луневой, к примеру, — продолжила она его злить, прекрасно зная, что упоминание о Валентине ее друг воспримет в штыки. — У нее дом за городом после смерти отца остался. Двухэтажный, между прочим! Будет где твоей гениальности парить...

— Да-да, конечно, — с елейным присвистом перебил ее друг, помощник и брат почти. — Только не

ТАЛИНА РОМАНОВА

забудь, что к двухэтажному особняку, где, предположительно, должна будет парить моя гениальность, прилагается еще Валентина Лунева, у которой грудь, прости, размером с твою задницу. Я таких не люблю. И мама ее тоже в приложении числится.

— И что? Чем мама тебе не угодила?

Василиса вывалила творог из упаковок в высокую миску, добавила туда четыре ложки манки, быстро вымесила и начала катать шарики, плюща их потом до формы сырников. Она знала, что Санька сырники любил, потому и творог всякий раз покупал, чтобы она приготовила. Пачек было две, лежали в дальнем углу холодильника, стало быть, купил давно. Устал ждать ее визита, потому и задвинул подальше и не обновлял давно.

Она, между прочим, тоже по нему скучала. И рвалась душой чуть ли не каждый день в его холостяцкую квартиру. Но вырвешься тут, как же! Муж гундосит: дома сиди. Свекровь... Бр-рр, какое же слово кровожадное! Вампирское слово, честное слово!

— Мама? Теща то есть? — вопил Сигитов, гоняя во рту колесо баранки. — Теща... Слово-то какое приятное! Что-то такое шипящее, тянучее... Ящур почти!

— Ну, договорился, — фыркнула Василиса, сноровисто переворачивая на сковородке румяные сырники. — Ты мне лучше вот что скажи: ты когда свою жизнь устраивать собираешься? Или так и станешь век бобылем доживать?

— Ну, ты прямо как матушка моя покойная... — хихикнул Сигитов, наблюдая с вытянутой шеей за ее стряпней. — Ой сырнички! Супер! А устраивать жизнь без тебя, Васька, я не могу.

— Еще чего! — Сахарова выключила газ и быстро

переложила сырники на тарелку, взяв верхнюю из стопки. — Я, что ли, должна тебе бабу в постель привести? Нашел сватью!

— При чем тут это, дура? — Саня выплюнул наконец залежалую баранку, которую все гонял во рту, но так и не довел до съедобной кондиции. — Я не о том вовсе!

— А о чем? — Она снова полезла в холодильник и теперь заметила там банку сгущенки. — А как я еще должна тебе помочь твою жизнь устроить? Как?

— Ты... ты должна в ней просто быть, Васька, — неестественно натянутым голосом вдруг брякнул он ей в спину. — Быть всегда и не исчезать. Таковы все мои требования с желаниями. Вот...

Глава 2

С того памятного вечера прошло почти полтора месяца. Наступила весна, очень рьяно начав топить лед, тревожить почки на деревьях и рыхлить землю резво рвущейся на свободу травой. Солнце уже ощутимо припекало: у Василисы за выходные дни, проведенные в обществе мужа и свекрови на даче, даже лицо загорело.

— Ты чего, деточка, глаза себе портишь? — квохтала свекровь, следовавшая за ней везде по пятам. — Разве можно столько на солнце смотреть! Вот спалишь роговицу...

— У меня глаза закрыты, — неохотно отвечала ей Василиса.

Галина РОМАНОВА

— И что? Ультрафиолетовые лучи проникают сквозь такой тонкий покров кожи и...

И так далее, и тому подобное в течение двух дней. Деточка то, деточка се... Деточке следовало беречь свое здоровье, а не ходить по улице на сквозняках с голым пупком. Ей, мол, еще рожать надо и мужа ублажать. А какое может быть здоровье у женщины, разгуливающей по улицам с голым пузом?

Ох, господи, как же она Василисе надоела за два дня! Как обрыдли ее причитания, нравоучения, намеки! От последнего вообще можно было утопиться в любой луже, даже если она размером с пятак.

Мария Федоровна ждала внуков. Все жаждала понынчиться, поиграться, соседкам своим похвалиться. А деточка никак не могла забеременеть. Вот беда-то! А почему? Да потому, что непозволительно короткие юбки носит, живот оголяет без дела, зимой панталонами брезгует, носит вместо теплой одежды одни нитки.

Ну да, Мария Федоровна не брезговала даже ее трусы инспектировать, которые сохли на полотенцесушителе в ванной. И любимые Василисой стринги называла нитками. И ужасалась притворно, всякий раз потрясая ее трусами у Вадика перед физиономией. Вот, мол, полюбуйся, что твоя жена носит. Тот морщился и молчал. Молчал понятно почему — маме перечить не смел. А вот почему морщился, Василиса не знала. И любопытно ей было: потому ли, что негигиеничной считал мамину выходку, или в самом деле разделял мамино мнение относительно нижнего белья своей супруги?

— Деточка, пойдем что-нибудь приготовим Вадика. Он работал, уморился, проголодался. Идем, идем...

Уморительный труд Вадика заключался в том, что

он второй день никак не мог навесить калитку. То у него гвозди гнулись и в сухое дерево не хотели влезать, то петли из рук вырывались, то калитку ветром качнуло в самый неподходящий момент. Уж он, бедолага, потел, пыхтел... Сквернословить хотелось ему наверняка, да при маме стеснялся. Дома, сто пудов, отыграется.

— Идем, деточка, сварим Вадику супчик.

Супы Вадик ненавидел. Он ими был закормлен с детства, поскольку мама потчевала ими его в день три раза, считая, что полезнее нет ничего. От жены он требовал жаркого в горшочках, грибов под сложным соусом, хорошо прожаренных бифштексов, картофеля во всех видах, салатов изысканных, мидий. Произносить слово «суп» в их доме было запрещено. Оно у него вызывало аллергический нервный тик всего тела. Но при маме...

При маме запрет был даже на невроз. Его Вадик тоже приберегал до дома. У мамы за обе щеки уплетал похлебку и нахваливал, а дома на Василисе отрывался.

— Деточка, какой супчик станем готовить Вадику? — закурлыкала Мария Федоровна, вытаскивая из старого дощатого комода крохотную алюминиевую кастрюльку. — Может, гороховый?

— Нет! — чуть громче, чем полагалось, воскликнула Василиса, свято храня тайну, что от горохового супа у Вадика еще и кишечные колики. — Давайте лучше лапшу.

— Ну что ж, лапшу так лапшу... — недовольно поджала тонкогубый рот свекровь. — Вечно вам не угодишь. Подай мне пакет с мукой, деточка.

Ее имя Мария Федоровна игнорировала с первого дня знакомства, считая его немодным и даже кошачь-

ТАЛИНА РОМАНОВА

им. Никаких производных от ее имени признавать тоже не хотела. Прилепила ей человеческую вполне кличку «деточка», тем и осталась довольна.

Вадику имя жены тоже было не очень по нраву. Он его долго коверкал на все лады, пока не остановился на имени Валиса, благополучно опустив слог «си». Один только Санька и млел от ее имени, называя ее то ласково Василисушкой, то официально-снисходительно Василисой Микулишной (хотя она была Егоровна), то Васькой. И так как-то выходило у него здорово, что Василиса со временем и сама полюбила свое имя, хотя в детстве нередко рыдала по его поводу.

Санька... Ох, Санька, Санька! Ну и наделал дел...

Василиса поспешно сунула свекрови в руки пакет с мукой и заспешила на улицу. Не дай бог разреветься при старой чокнутой дуре, тогда точно топиться придется. Она ведь не отстанет и будет придумывать и придумывать ее слезам объяснение за объяснением. Начнет донимать Вадика, а тому и без того труба дело — ему еще суп сегодня есть придется. Он станет нервничать, дома все будет накалено докрасна после этого. А ей такое надо?

Она все же всхлипнула тихонько на заднем дворе, усевшись на вязанку никому не нужных дров. Печки в доме не было — давно газ провели, еще свекор покойный постарался. Костров на этом дворе тоже не разводили (канцерогены и все такое), шашлыка не жарили — купить готовый можно. Василиса подозревала, что дрова тоже от покойного свекра остались в наследство. Ну что же, хоть за то ему спасибо. Она хоть на них посидеть может вдаль от посторонних

глаз, и погоревать тихонько, и поругать этого дурака чертова — Саньку Сигитова.

Ну и наделал дел, ну и наделал! Какого черта молчал все эти годы? Почему раньше не сказал? То она была для него своим в доску пацаном, а то вдруг в его жизни должна быть. И вот как понимать его слова прикажете? Когда прозрел, когда созрел? Четвертак жизни должен был прокатиться, чтобы он до такого решения дозрел, да?

А ей что теперь делать? Вадика бросить она не может. Она его любит... кажется. Да и страшно как-то бросать теперь, когда все только-только налаживаться стало. Она за многое ему была благодарна: за мужество, к примеру, за выдержку, за терпение, за твердое плечо, которое он несколько лет подряд подставлял ей.

Сколько они мотались по съемным углам, сколько мытарств и лишений претерпели! Бывало, что на одной раскладушке спали в обнимку. И чай вприкуску с малосольными огурцами пили, потому что больше не с чем и не на что купить. Потому что студентами были. Потому что к его родителям на поклон не хотели идти, поскольку Василису не приняли ни мать, ни отец. А ее родители бросили дочку еще в младенчестве на бабушку, которая умерла, оставив ей лишь деньги на спецсчете на обучение. У Василисы хватило ума выучиться, а не спустить все деньги на шмотки и гульбу. У Вадика тоже хватило ума не претендовать на те деньги. Он даже согласен был хлеб с солью есть, лишь бы Василиса окончила учебу. За это она ему тоже была жутко благодарна.

А когда он, первым окончив учиться и первым устроившись на работу, принес ей в подарок с первой

ТАЛИНА РОМАНОВА

зарплаты крохотные золотые сережки, она ревела над ними всю ночь. Таких подарков ей никто и никогда не делал, только вот муж теперь. Разве такое забывается? Разве за подобное не благодарят?

А потом в их общей совместной жизни начали случаться чудеса. Может, за их долгое терпение господь их наградил. Может, посчитал, что на их долю скитаний хватит. У Вадика-то все вроде было ничего: родители как родители, детство как детство. А вот у нее...

Перво-наперво у Василисы вдруг объявился какой-то дальний родственник ее матери, бросившей ее в младенчестве. Правда, объявился он уже после своей смерти, завещав ей огромную квартиру — из целых трех огромных комнат в центре города. Василиса ошалело смотрела на нотариуса, нудно зачитывающего ей условия завещания. Потом где-то расписывалась. Потом с тем же ошалелым видом забрала ключи от квартиры в жилищно-коммунальной конторе. Оторопело переступила порог квартиры, показавшейся ей тогда сказочным замком. И все не могла поверить, что происходящее — реальность. Казалось, сейчас она пошире распахнет глаза — и мираж, желеино дрогнув, исчезнет.

Ничего не исчезло. Квартира перешла в ее собственность. И сказочным замком она, конечно же, не была — ремонт в ней не делался со дня сдачи дома. Порядок не наводился с того же времени, наверное. К тому же ее родственник по матери, упокой господи его добрую душу, совершенно не признавал такую статью расходов, как коммунальные платежи. Когда им вручили квитанции с долгами по платежам, Василиса снова расплакалась. Теперь уже от отчаяния.

У них не было таких денег! И взять их было просто неоткуда! А в ЖЭКе категорически сказали, что если они не погасят долг в кратчайший срок, то квартиру конфискуют. Мол, у хозяина не успели: умер тот не ко времени, так у наследников отберут.

И тут снова чудо! Родители Вадима (тогда еще был жив свекор Станислав Гаврилович) вызвались сделать им неслыханный по щедрости подарок. Они предложили погасить всю задолженность из личных сбережений.

— Ладно, Вадик, — шептала Мария Федоровна тайком от Василисы сыну в собственной прихожей, — коль не бесприданницей оказалась твоя дочка, стало быть, и мы лепту внесем. Чего же тебе в примаках-то... Негоже. Еще станет потом попрекать. Еще и не пропишет...

Тот их разговор Василиса случайно подслушала. Хотела было обидеться, но потом передумала. Пускай хоть с таким подтекстом, да помогут. Обидно было бы лишиться подарка судьбы, едва успев его получить.

И еще одно чудо не заставило себя долго ждать — Вадику предложили работу. Да какую! Ему предложили должность финансового директора в одной очень солидной фирме, положив зарплату на время испытательного срока... Василиса даже задохнулась, услышав цифру.

— Так не бывает, Вадик! — ахнула она, когда муж начал кружить ее по пустым комнатам с облезлыми стенами. — А потом? После испытательного срока? Она останется прежней, так ведь?

— Будет вдвое больше, Валиса! Вдвое больше, душа моя! А потом и тебя туда пристрою. Вот погоди, только освоюсь...

ТАЛИНА РОМАНОВА

К ним на фирму она не пошла, сочтя, что работать вместе очень сложно и политически неверно. Муж — финансовый директор, жена — ведущий бухгалтер. Как-то не по правилам, мало ли что люди подумают.

Вадик дулся недели две. Потом успокоился и согласен закивал. Да, мол, может быть, ты и права. Не сошелся же свет клином на этой конкретно фирме и ее бухгалтерии. Что-нибудь можно подыскать и другое.

И подыскали ведь! Совершенно тоже случайно. Валялись как-то на стареньком диване — новую мебель решили покупать всю скопом после капитального ремонта, — рассматривали газету с объявлениями о трудоустройстве, звонили попеременно, перечеркивали крест-накрест колонки, ставшие бесполезными, и тут вдруг...

И тут вдруг Вадик говорит:

— Слушай, а у меня где-то визитка завалилась одного весьма солидного и интересного местечка. Супруги держат гостиничный бизнес, разрастаются, расширяются, набирают штат, я слышал. Давай попробуем?

— А им нужны бухгалтеры? — Василиса вертела в руках визитку коммерческого директора.

— Кажется, нет. Но кто-то мне говорил, что нужны менеджеры или что-то в этом роде. Позвоним, а?

Она поупиралась немного, все-таки менеджмент никогда не был ее коньком, но потом позвонила.

И снова в десятку! Ей назначили день собеседования. Она съездила туда, одна, без Вадика. Он даже не знал, когда она поедет. И ее взяли! Причем с такой зарплатой, о которой она и мечтать не смела.

Устроились, одним словом.

Следующий год они прожили в лихорадке. Кое-как спали, редко отдыхали, на ходу питались и работали, работали, работали. Заработали вполне приличную сумму, отремонтировали и обставили квартиру, купили каждый себе по машине. Правда, ей пришлось оформлять кредит, на все не хватало. И...

И что же теперь, после заявления Саньки Сигитова, которое он вынашивал в течение детства, отрочества и юности, все это бросить к чертовой матери? Просто взять и уйти к нему? А как же квартира? Как же ее первый настоящий дом? Не делить же его, не рвать на части из-за собственной блажи. Вернее, из-за блажи Саньки.

Ну да, им хорошо вместе. Да, скучают они, когда долго не видятся. Да, у них родство душ и все такое. Но это же не значит, что то же самое сможет сохраниться, если они станут жить вместе! Они, может, и выдержат неделю, другую. А потом что? Квартиру уже разделят, разорвут на части. К Вадику назад нельзя, он ни за что не простит такой подлости. Он хоть и нудит в последнее время, и вспыхивает все чаще, но он удобный вместе с тем. Удобный, как старые шлепанцы и старый банный халат. И у нее с ним тоже что-то вроде понимания.

Не-ет, она семью разрушить не сможет. Слишком много поставлено на кон, слишком! И она то, что поставлено, слишком дорого ценит, потому что предыдущую свою жизнь была лишена этого. Да что там говорить, даже мечтать о нем не смела!

А Сигитов... Сигитов пускай катится к черту со своими глупыми заявлениями. Он вот брякнул, мо-

ТАЛИНА РОМАНОВА

жет, и забыл давно, а она его слова в голове гоняет, не спит по ночам, даже осунулась. Свекровь, и та заметила. Засюсюкала, когда они ее забирали на дачу:

— Деточка, что-то ты неважно выглядишь. Побледнела, круги под глазами. Ты не забеременела?

— Ма! — вмешался Вадик, зная, как неприятно его жене слышать об этом от свекрови. — Прекрати! Никто не и ничего. Усаживайся.

Ма надулась и кряхтела всю дорогу: то ей душно, то, наоборот, от кондиционера холодно. И вообще молодежь могла бы и впереди старухе место уступить (то есть уступить ей свое место должна была Василиса), мол, нервные все стали и не то что родить — уважить стариков не могут.

Вадик молчал и хмурил брови, но приструнить мать не посмел, зная, что будет только хуже. А Василиса...

А Василиса мстительно думала о том, какая же она молодец, что вовремя вставила спираль. И свекрови лишний повод был насолить, и Вадик не особенно жаждал прибавления в семействе. А вот забеременела бы ненароком, что тогда? Ма бы вовсе к ним переехала, она не раз о своем желании заявляла. А Вадик и вовсе тогда бы переселился на свою фирму и перестал приходить домой.

— Не хочу я! Пеленки, ползунки, бр-рр... — мямлил он жене неоднократно. Поглаживал с упоеанием ее плоский живот и приговаривал: — И фигура опять же у тебя такой никогда уже больше не станет. И мать... Ты представляешь себе ее рядом? В этой квартире?

— Нет! — содрогалась она.

— Вот и я тоже. — Он вздыхал и тут же спешил оправдаться перед самим собой: — Она же пожилой человек. Ей тяжело будет с нами. У нас то гости, то матч футбольный за полночь, мы не ограничиваем себя в громкости и свободе передвижения. А тут она... Представляешь, я иду ночью в туалет совершенно голый, и тут ма из своей комнаты!

О том, что маме в случае рождения ребенка можно было бы просто-напросто запретить переезд в их квартиру, Вадик даже и не думал. На его маму в его лексиконе не было запретов. Так, легкие штрихи вежливого укора, когда она особенно распоясывалась, да и только...

— Валиса, ты чего здесь?

Муж вынырнул из-за угла совершенно неожиданно и застал ее врасплох. Она даже слезы не успела с лица смахнуть. Он тут же заметил, в сердцах швырнул на землю молоток с плоскогубцами, выругался, что было совершенно неестественно для него, и тут же воскликнул, правда, успев сначала опасно оглянуться:

— За каким чертом мы с тобой вообще приперлись на дачу?! Отдохнули бы дома, вдвоем! Нет, поперлись... Она что, совершенно тебя достала, да, малыш? Суп еще теперь жрать придется! Какой хоть варит? Не гороховый случайно?

— Отговорила, — пробормотала со вздохом Валиса. — Должна быть лапша, но ты ведь ее знаешь, может пойти наперекор.

— Черт! — Вадик подошел к вязанке дров, сел рядом, подергал задом, пододвигая Василису, и снова завел: — Черт! Давно бы продала эту халупу. Все таскается и таскается сюда и нам покоя не дает.

Галина Романова

— Что за нее возьмешь? Крыша течет в нескольких местах. Пол прогнил почти.

— Да тут само место, знаешь, сколько стоит... — Он просто задохнулся от ее недалёковидности и упрекнул со вздохом: — И как тебя только на работе держат, не пойму!

— Да уж держат, — не стала она обижаться, успела привыкнуть к таким заявлениям супруга. — Я же не торгую недвижимостью и территорией под застройку. Я занимаюсь всего лишь поставкой гостиничного реквизита, оборудования. И контролирую ее.

— Уж ты проконтролируешь.

— Как могу, так и контролирую!

— Ладно, не дуйся.

Вадим довольно заулыбался, поняв, что задел-таки ее за живое. Он будто всякий раз тестировал ее чувствительность к собственным нападкам. Если жена делала вид, что ей все равно, Вадик непременно продолжал ее жалить, жалить и успокаивался лишь тогда, когда она обижалась. Вот такой он был человек — ее муж.

— Деточка, а где Вадик? — Из-за угла вынырнула Мария Федоровна с перевязанной старой косынкой головой. — А, и ты здесь, сыночка. Идем скорее, супчик готов. Устал?

— Да нет, — бесцветным, как вялый капустный лист, голосом промямлил сыночка.

— Сделал калитку, Вадюша?

— Нет. Дерево железное просто, я весь измучился, — прохныкал он, зная, что после этого мать непременно отстанет.

Та, и правда, пожевала немного губами, покосилась на сноху и снова позвала:

— Идемте, супчик готов...

Она ведь все же сварила гороховый суп, упрямая старая стерва! Зачем ей тогда мука нужна была? Зачем она ее просила? Просто для того, чтобы деточка не стояла столбом посреди кухни, а делала хоть что-нибудь? Ох, до чего же баба отвратная...

— Кушай, кушай, Вадюша, я тебе еще добавочки налью, — ворковала Мария Федоровна, обмахивая с его плеч пыль. — Джемпер-то совсем грязный. Что же ты, деточка, не стирала, а? Или поругались вы? Видала я, что ты плакала. Что случилось-то? Правда, поругались?

Ох, сколько надежды было в ее вопросе, сколько тайной радостной надежды: а может быть... а вдруг... И тогда-то...

— Он работал в нем два дня, — стиснув зубы, чтобы не начать орать, отрезала Василиса. — И вообще... Вообще нам пора, Вадик. Мне завтра очень рано вставать. Дома есть еще кое-какие дела.

— Ох, ну какие же у тебя дела-то могут быть? — с насмешкой удивилась и всплеснула руками свекровь.

— Мужа обстирывать буду! — уже плохо себя контролируя, рявкнула Василиса. — Ты едешь, Вадик, или мне ловить такси?

В другое время он бы ей выдал за ее непозволительную выходку... Уж он бы ей устроил под ободрительное кивание Марии Федоровны... Но теперь не мог. И гороховый суп был тому причиной. Он тарелку-то с трудом вычерпал, а мать уже рядом наготове с кастрюлькой стояла, намереваясь подлить добавки. А потому только и сказал:

— Да, едем, Валиса. Ма, собирайся!

И, бросив виноватый взгляд в спину матери, ко-

Талина Романова

торую та намеренно горестно сгорбила, громким шепотом, таким, чтобы ма непременно услышала, процедил:

— А с тобой мы еще дома поговорим, Валиса...

Глава 3

Конечно, он устроил ей дома выволочку, как любил он называть собственное полуторачасовое нудное пыхтение. И неправильно-то она себя ведет по отношению к его матери... и могла бы быть терпимее... а непозволительные голосовые интонации и вовсе простить невозможно...

— Мать у меня одна, Валиса! Понимаешь? — свистящим шепотом возмущался Вадик. — И я у нее один! Было бы нас пятеро, а так...

— Что — так? — Она вяло ковырялась вилкой в салате, стараясь не провоцировать мужа на новый всплеск праведного негодования, но не удержалась. — А если ты у нее один, то что «так»?

— Как ты не понимаешь?! Ну как ты не понимаешь! Я единственный ее наследник. Все, что принадлежит матери, со временем перейдет ко мне, — его шепот стал чуть громче.

К слову, он почти всегда скандалил шепотом, чтобы соседи не услышали. Кто-то когда-то рассказал ему во дворе, что их соседка тетя Рая страдает чрезвычайно обостренным любопытством. И будто бы даже кружку к стене прикладывает, чтобы быть в курсе происходящего в соседних квартирах. Правдой то было или нет, Василиса не знала. Сама по данному по-

воду никогда особенно не печалилась и, если приходилось, голос повышала. А вот Вадик соблюдал осторожность. Выносить сор из избы чужими языками — он не мог такого позволить, вот и шептал.

— Знаешь, милый, а ведь она еще и нас с тобой переживет, — ухмыльнулась Василиса последнему завлению мужа.

— Это ты к чему?

— Я про твои надежды на скорое наследство. Твоя мама будет очень долго жить, поверь мне. — И тут же про себя она добавила: «Подобные паразиты обычно бывают долгожителями». — И посему я не обязана ради твоих призрачных надежд терпеть такие мытарства. Причем ведь ты в глубине души со мной согласен, просто не хочешь мою правоту признать. Кстати, как тебе гороховый супчик? Как желудок, не ноет?

— Знаешь, ноет! — горестно воскликнул Вадик, положив ладонь на живот. — Уж мне ее суп... У нас кефир есть?

Слава богу! Тема мамы была благополучно забыта до следующего выезда за город. Вадик целиком и полностью переключился на свое «я», а оно у него ни с кем конкурировать не могло. И напряженность в доме мало-помалу растворилась. Даже до постели благоверный сподобился, и невзирая на мамин суп!

Где-то через полчаса, восстановив дыхание, он вдруг приподнялся на локте, что само по себе было странным — обычно он засыпал почти сразу, сдвинул с влажного лба жены прядь волос и вкрадчиво так спросил:

— Слушай, детка, а все же почему ты плакала?

— А? О чем ты? — Василиса изобразила недоуме-

ТАЛИНА РОМАНОВА

ние, хотя ровно мгновение назад думала как раз про Саню и о причине своих слез.

— Ой, вот только не надо! — фыркнул Вадик и дунул ей в ухо, зная, что она от этого приходит в бешенство. — Не из-за мамы же моей ты рыдала, Валиса!

— Из-за твоей мамы можно не только рыдать, поверь мне. Из-за нее даже можно удавиться.

— Нет, ну почему ты плакала? — настырничал Вадик, не давая ей заснуть. — Не отстану ведь, так и знай!

Он и правда не отстанет, он такой. Надо было срочно что-то придумывать. Что-то такое, что не показалось бы ему обидным, что не вызвало бы необходимость придумывать еще одну ложь и чтобы придуманная версия показалась ему объективной причиной ее слез.

Ничего не придумывалось, как нарочно.

О неприятностях по службе разговор затевать не стоило. Вадик там со многими знаком, мог бы начать выяснять, а то еще, чего доброго, настаивать на ее увольнении.

Подруг у нее практически не было, так что тема с их проблемами тоже не прокатывала — списать настроение на козни не удастся.

Про здоровье тоже врать не стоило — этого Василиса суеверно боялась. Оставался Санька. Надо было что-то врать про него. А что?

Она вздохнула и пробормотала:

— У Саньки проблемы.

Настороженно помолчала, посмотрела на Вадика сквозь ресницы. Кажется, новость его вполне устраивала. Так и есть — кивнул согласно и тут же подхватил тему:

— А я всегда знал, что твой лохматый хакер плохо кончит.

— Ну, зачем ты так, Вадик? И почему обязательно все должно быть плохо? Может... — Лихорадочно поискав слова, она не нашла ничего лучшего, как дипломатично заявить: — Может, все еще обойдется.

— Скажешь тоже! — фыркнул он, откидываясь на подушки. — Обойдется... За это, я слышал, запросто можно срок схлопотать.

За это? За что «за это»?

Василиса разволновалась. Что такого про Саньку знает Вадик, чего не знает она? Что могло случиться за то время, что она не была у Сигитова? Санька влип, да? Куда он влип? И почему о его проблемах знает Вадик, а она нет? Как выведать? Надо же осторожно! Начни сейчас к нему приставать с расспросами, тогда причина ее слез снова останется невыясненной. А не расспросить тоже нельзя, она же не уснет...

— Может, все еще и обойдется, — снова повторила она, замерев в ожидании.

Ну же, Вадик, ну! Давай, выбалтывай то, что тебе известно! И откуда тебе что-то известно тоже?

— Даже если и обойдется с ментами... — задумчиво начал Вадим.

Внутри у нее все моментально вымерзло, как в Арктике. А потом занялось огнем, затем прекратило пульсировать и стучать вовсе, ухнув куда-то к пяткам.

Влип! Боже, Сигитов — дурак чертов! — все-таки влип! Милиция? Вадик говорит о милиции? Саньку засекли, стало быть?

— Даже если и обойдется с ментами условным там наказанием или штрафом, то тот крутой мужик ему все равно не простит ухарства, — продолжал рас-

Галина Романова

суждать Вадик, глаза в потолок. — Скажите, пожалуйста, умник какой, пощипать он решил... И кого! Мозги-то надо иногда включать, нет? Думал, если у мужика миллионы, то пропажи пары сотен он не заметит? Нет, мил-друг Саня, деньги счет любят. И богатым считается не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто разумно тратит. А если тот миллионер тратил разумно, то наверняка удивился, с чего вдруг у него со счетов регулярно пропадают денежки.

— Прямо так уж и регулярно! — перебила его Василиса, сразу поняв, в чем дело. — Санька никогда не злоупотреблял. Он вообще редко щипал.

— Много ты знаешь, кукла с глазами! — поспешил обидеться Вадик на то, что она защищает Сигитова, и передразнил: — «Редко щипал»... За редко бьют метко! Поняла?

— А ты прямо знаешь! — Она резко повернулась к нему спиной, тут же начав выдергивать из-под него одеяло. — Прямо тебе пришли и доложили, сколько денег пропало да с чьих счетов! Ладно, я. Я — друг. Но вот ты-то откуда все знаешь?

Последнее было узнать ей особенно интересно.

В дела Сигитова она никогда мужа не посвящала. А Вадим особо и не жаждал быть посвященным. То же самое наблюдалось и со стороны Сани. Он не то чтобы ревновал, он просто не желал ничего про Вадика слышать. Теперь-то понятно почему. А раньше Василиса думала, что Санька просто вредничает. Или манией величия страдает. Таким образом она иногда подкалывала Сигитова, в шутку упрекая его в заносчивости.

— Ну вот скажи, откуда ты обо всем узнал, милый? Откуда такой поток информации? — удвоила

она натиск, потому что Вадик неожиданно умолк. — Не милицейские же сводки тебе по факсу прислали... Не сам же он тебе сообщил...

— Сам, — коротко обронил Вадик и зевнул сонно. — Ты в ванной была позавчера вечером. А он как раз позвонил.

— Почему ты ничего не сказал мне?! — Внутри у нее все снова начало покрываться коркой льда. — Вадик, когда я вышла из ванной и спросила тебя, кто звонил, ты что мне ответил?!

— Не помню. — Он завозился, отворачиваясь от нее.

— Ты сказал, что тебе звонили со службы. Так?

— Может быть, не помню. Чего ты пристала вообще? Ты и без меня все знала, стоит ли устраивать разборки — сказал, не сказал...

— Что он хотел от тебя конкретно?

— Он... — Вадик судорожно вздохнул. — Он просил передать тебе, чтобы ты позвонила Глебову и чтобы тот подключил свои связи.

— А ты?.. Ты что вместо этого сделал, гад? Ты ничего не сделал! У него в тот момент, может быть, милиция в квартире была, а ты...

— Не может быть, а была. Ему разрешили сделать один звонок перед тем, как забрать его вместе с ящиком. До Арчи он не дозвонился, вот и решил тебе позвонить.

— Почему ты мне ничего не сказал, Вадим? Объясни, почему?

— Забыл.

Он издевался над ней. Издевался или втравливал в какую-то новую для нее игру, правил которой она пока не знала.

Галина Романова

— Но как можно забыть о таком? Он же просил тебя передать мне, чтобы я позвонила Глебову!

— Я сам и позвонил ему. Все, детка, отстань, я спать хочу. — И Вадим, стащив с нее огромный кусок одеяла, накрылся с головой.

— Кому ты позвонил? Кому ты сам позвонил, Вадик? Не спи, отвечай мне! — Василиса села на него верхом, стянула с него одеяло и принялась трепать за щеки, намереваясь если не выпросить, то выбить из него всю правду. — Кому ты позвонил после Санькиного звонка? Кому?

— Да Арчи я позвонил, чего пристала, сумасшедшая! — Он лягнул ее ногой, спихивая с себя, и снова упаковался в одеяло, пробубнив оттуда: — Арчи сегодня звонил мне, сказал, что все уладил.

— Что уладил?

— Подробностей не знаю. Возьми и сама разузнай. К Сане своему съезди, ты что-то давно его не навещала. Поругались, что ли? Все, Валиса, отвали от меня, я спать хочу, завтра рано вставать.

С горем пополам, но она все же разжилась информацией.

Сигитов где-то в чем-то прокололся, и его вместе с его компьютером арестовали. Случилось это позавчера вечером. Потом Глебов позвонил Вадику и сказал, что все утряслось. А что конкретно утряслось-то? Саньку выпустили или нет? Его станут судить, или он отделается крупным штрафом? И что там болтал насчет серьезного мужика Вадик — к кому в карман залез Сигитов?

Все, завтра после работы она, невзирая ни на что, поедет к Саньке. Она станет общаться с ним, как и прежде. Станет делать вид, что того последнего разго-